

Материалы по истории Литбела в Специальном архиве Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas)

Шубин А.В.

Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва

В Специальном архиве Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) содержатся интересные материалы по предыстории возникновения и механизмам функционирования Литбела. Проблематика Литбела затрагивается в работах белорусских, российских и литовских авторов, но при этом материалы LYA не цитируются.

Цель публикации – определить источниковый и исследовательский потенциал Специального архива Литвы по теме Литбела и смежных тем.

Материал и методы. В данной статье используются общенаучные методы рационального (логического) анализа эмпирического материала, где первостепенное внимание уделяется источникам из Специального архива Литвы.

Результаты и их обсуждение. В работе анализируются материалы Специального архива Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) по теме Литовско-белорусской ССР (Литбела). Они позволяют многосторонне реконструировать развитие Литбела. В сравнении с другими источниками, которые использовала историография вопроса, материалы LYA позволяют вскрыть «подноготную» жизни в Литбеле, которая имела ряд особенностей в сравнении со стандартной системой «военного коммунизма»: свободный продуктообмен в рамках региона, огосударствление и отказ от раздела помещичьей земли между крестьянами и от продразверстки, отсутствие твердого контроля центральной власти на местах, сдержанность репрессивной политики, мультикультурализм с некоторым преимуществом развития литовской культуры.

Заключение. Отложившиеся в архиве материалы хотя и несут на себе отпечаток коммунистической идеологии и личных качеств деятелей Литбела, но легко объективизируются, так как тенденциозность документов несложно считать и вынести за скобки при построении объективной картины жизни в Литбеле.

Ключевые слова: Специальный архив Литвы, Литовско-белорусская ССР, Литбел, Мицкявичюс, Жилунович, Ангаре-тис, военный коммунизм, советско-польская война 1919–1920 гг.

(Ученые записки. – 2025. – Том 41. – С. 49–55)

Materials on the History of Lithbel in the Special Archive of Lithuania (Lietuvos Ypatingasis Archyvas)

Shubin A.V.

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The Special Archive of Lithuania (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) contains interesting materials on the prehistory of the emergence and functioning mechanisms of Lithbel. The issues of Lithbel are touched upon in works by Belarusian, Russian and Lithuanian authors while LYA materials are not referred to.

The purpose of the article is to identify the source and research potential of the Lithuanian Special Archive on Lithbel and related topics.

Material and methods. This article uses general scientific methods of rational (logical) analysis of empirical material, where primary attention is paid to sources from the Special Archive of Lithuania.

Findings and their discussion. The article analyzes the materials of the Special Archive of Lithuania (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) on the topic of the Lithuanian-Belorussian SSR (Lithbel). Materials of the archive allow us to comprehensively reconstruct the development of Lithbel. In comparison with other sources used by the historiography of the issue, the LYA materials allow us to reveal the "underbelly" of life in Lithbel, which had a number of special features in comparison with the standard system of "war communism": free product exchange within the region, nationalization and rejection of the division of landlords' land between peasants, the lack of strong control of the central government on the districts, the restraint of repressive policies, multiculturalism with some advantage of the development of Lithuanian culture.

Conclusion. *The materials deposited in the Archive bear the imprint of the communist ideology and personal qualities of authors, but are easily objectified, since the tendentiousness of the documents is easy to consider and put aside in constructing an objective picture of life in the Republic of Lithuania.*

Key words: *Special Archive of Lithuania, Lithuanian-Belorussian SSR, Lithuania, Mickevicius, Zhilunovich, Angaretis, war communism, the Soviet-Polish war of 1919–1920.*

(Scientific notes. – 2025. – Vol. 41. – P. 49–55)

Специальный архив Литвы (Lietuvos ypatingasis archyvas, LYA) включает материалы по истории Коммунистической партии Литвы (КПЛ) и некоторых учреждений Литовской ССР (МИД и КНБ ЛССР). Архив располагает обширной коллекцией материалов на русском языке, с которыми и работал создатель представленной публикации по теме Литовско-белорусской ССР (Литбела). Литбел – один из недолгих, но насыщенных событиями периодов совместной истории белорусского и литовского народов.

В архиве содержатся интересные материалы по предыстории возникновения и механизмам функционирования Литбела.

Проблематика Литбела затрагивается в работах белорусских, российских и литовских авторов, но при этом, за исключением автора данной статьи, материалы LYA не цитируются. Д.А. Короткова и М.С. Павлова упоминают Литбел в более широком контексте противоборства за регион между Россией, Польшей и Литвой, а также белорусского государственного строительства [1; 2]. К тому же Д.А. Короткова отдельно разбирает политические обстоятельства, которые привели к решению образовать Литбел [3].

Литовские авторы показывают, что Литовская ССР и затем Литбел стали плацдармами для культурной работы в пользу литовского национализма, причем силами далеко не только коммунистов и их сторонников [4; 5]. На ряду с этим авторы работ о Литбеле практически не разбирают особенности внутренней жизни в этом государственном образовании за пределами Вильнюса (Вильно). Тема Литбела в более широком контексте присутствует и в [6, с. 641–652].

Цель публикации – определить источниковый и исследовательский потенциал Специального архива Литвы по теме Литбела и смежных тем.

Материал и методы. В данной статье используются общенаучные методы рационального (логического) анализа эмпирического материала [7, с. 11–33], где первостепенное внимание уделяется источникам из Специального архива Литвы.

Результаты и их обсуждение. Как известно, первоначально возникли отдельные Литовская и Белорусская советские республики как «буферные» образования между Россией и Польшей. Однако в обоих случаях коммунистические лидеры серьезно отнеслись к национальной идентичности и культурной работе, а также стали отстаивать территориальные интересы национальных государственных образований не только в отношении Польши, но и в отношении друг друга и России. Одновременно происходила завязка советско-польского конфликта, первые выстрелы

которого прозвучали в Вильно (Вильнюсе) на новый 1919 год. В LYA имеются материалы, собранные об этих событиях вскоре после их завершения, так как 6 января 1919 г. будущая столица Литбела была взята Красной армией. Интерес представляют собранные по свежим следам свидетельства лидера литовских коммунистов В. Мицкявичюса (Капсукаса) и будущего наркома внутренних дел советской Литвы З. Ангаретиса (Алексы) об обстоятельствах установления советской власти и начала деятельности ЛССР [8, F. 77. I. 2. F. 2, 29, 34, 77]. Эти материалы представляют собой сравнительно объективное изложение событий, так как предназначались для информирования руководства и возможного использования при написании истории событий, где уже могла производиться идеологическая обработка данных воспоминаний по свежим следам.

Материалы LYA позволяют добавить штрихи к исследованию обстоятельств образования Литбела. В принципе эти обстоятельства уже известны историографии. Затягивание боевых действий к западу от Вильнюса, межнациональные противоречия и невозможность предоставить двум республикам значительную территорию за счет более восточных губерний, где преобладало «русофильское» руководство, привели к решению об образовании Литбела. В новую республику должны были войти Виленская, Минская, Ковенская и Гродненская губернии. Она обрела более солидную территорию, чем обе ее составляющие (правда де-факто Красная армия не контролировала Ковенскую и Гродненскую губернии). Снимались территориальные споры в зоне смешанного населения. Белорусский и литовский народы одинаково противостояли польской экспансии, что вызывало здесь поддержку РККА со стороны местного населения по общим национальным причинам.

ЦК РКП(б) принял соответствующее решение, и 29 января ЦК КПЛ уже обсуждал вопрос об объединении с Белоруссией. В архиве имеется сделанный там доклад уполномоченного Совнаркома РСФСР на Западном фронте, замнаркома по делам национальностей поляка С. Пестковского, выдержанный в лестном для литовских коммунистов тоне: «Ввиду того, что административный аппарат Белорусского правительства плохо работает», Чичерин, Ленин, польские коммунисты и руководство Белоруссии поддерживают соединение Литвы с Минской губернией. Области эти экономически однородны, их объединение важно для общего фронта. Присоединение незначительно увеличит территорию, а передаст в распоряжение новой республики «значитель-

ные силы польских коммунистов» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 10]. Таким образом, литовцы были охарактеризованы как организаторы выше белорусов. Эта оценка была политически мотивирована, так как Москва уже решила избавиться от присутствия в руководстве Литбела белорусских национал-коммунистов во главе с Д. Жилуновичем. Делать выводы об их деловых качествах было рано: белорусские коммунисты толком не успели развернуться, да и последующая административная деятельность Литбела, как мы увидим, не была безупречной. Руководство Литбела было многонациональным, но его ядром стали литовцы и поляки. Быстрый прорыв в Польшу не состоялся, и накопившиеся на Западном фронте польские коммунистические кадры нужно было куда-то пристроить.

Под давлением председателя ВЦИК России Я. Свердлова I съезд Советов Белоруссии 16 февраля принял декларацию об объединении с Литвой. 17–21 февраля прошел I съезд Советов Литвы, который принял аналогичное решение. Слияние Литвы и Белоруссии Мицкявичюс считал началом «воссоединения Р.С.Ф.С.Р.» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. Л. 25]. 27 февраля объединенное заседание ЦИКов провозгласило Литовско-Белорусскую Советскую Социалистическую Республику (ЛБССР или Литбел) со столицей в Вильнюсе (Вильно). 13 марта Западная армия была переименована в Литовско-Белорусскую армию.

В Совет Народных Комиссаров ЛБССР вошли председатель Мицкявичюс, нарком внутренних дел Ангаретис, нарком по военным делам И. Уншлихт, наркомпрод М. Калманович, наркомфин И. Рейнгольд и другие деятели, не имевшие касательства к белорусскому национал-коммунизму. Объединенный ЦИК возглавил польский коммунист К. Циховский.

4–6 марта на объединительном съезде КП(б)Б и КП(б)Л была образована Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии (КП(б)ЛиБ или КПЛБ). Председателем президиума ЦК стал Мицкявичюс, в его состав вошли А. Мясников, В. Кнорин, З. Ангаретис, М. Калманович, И. Уншлихт, К. Циховский, председатель Минского ЧК В. Богуцкий, председатель Минского горсовета В. Яркин и др. Таким образом, в руководство Литбела включены коммунисты с литовскими, еврейскими и польскими фамилиями.

Правительство Литбела располагалось в Вильно. Как видно из документов ЛУА, Минск жил своей жизнью фактически самостоятельно от столицы [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 10]. Система управления Литбелом и связанные с этим трудности анализируются в докладе наркома внутренних дел Ангаретиса, который написан пристрастно, с точки зрения интересов центральной власти. Но эти акценты хорошо считаются, что позволяет легко объективизировать данный источник. Правительство имело слабую связь с местными властями, «во многих местах взял верх анархистски истолкованный лозунг “Власть на местах”» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 60б.], как с возмущением писал Ангаретис, и продолжал: «После некоторого

ознакомления с уездами, где господствовала “власть на местах”, оказывалось, что в центре “власти на местах”, обыкновенно сидели какие-нибудь пройдохи, хорошо сжившиеся с некоторыми спецами из военных, чтобы в нужную минуту прибегнуть к их помощи (Ольшевский в Поневеже, Дутко в Ошмянах и др.). В других местах во “власти на местах” были затесавшиеся белогвардейцы, примазавшиеся к коммунистам (Балтрушайтис в Уцянах)» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 9]. Некоторые местные руководители просто жили по-старому под флагом Советской власти, некоторые злоупотребляли положением.

В районе Вильно–Лида на почве произвола местных властей произошло крестьянское восстание против ревкома, председатель и военком были убиты. Карательный отряд разгромил бунтовщиков, провел аресты и реквизиции, после чего НКВД вмешался и прекратил расправу. Восстания произошли также в Ошмянском и Свенцяном уездах [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 9].

Но при дефиците кадров управлять ситуацией на местах из Вильно было практически невозможно. Отправляли инструкторов, но Ангаретис признает: «Инструкторами большей частью были неопытные товарищи, которые часто сами требовали, чтобы их кто-нибудь еще проинструктировал» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 60б.]. Понятно, что авторитета у таких посланников центра не было.

Чтобы как-то контролировать ситуацию на местах, Ангаретис создал летучий коммунистический отряд для борьбы с контрреволюцией. Некоторые волостные Советы были разогнаны и заменены новыми, избранными местными рабочими и малоземельными крестьянами [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 8-80б.].

В виленскую милицию «вошло много преступного элемента» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 7]. Ангаретис недоволен и тем, что в милиции служили контрреволюционеры, агенты спекулянтов и местные кулаки. Поскольку милиция должна была следить за порядком, в нее вступали и те, кто стремился к порядку независимо от характера власти, и карьеристы, и люди, желающие злоупотреблять властью, и лоббисты коммерческих интересов.

В Вильнюсе (Вильно) шла борьба с коррупцией. Так, в феврале был арестован член ЦИК Сливкин (Сокольников), который просил у родственников арестованных 15 тысяч рублей «для закладки дела», терроризировал обыскиваемых, приторговывал кокаином [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 55].

Карьеристы приезжали также из России с мандатами разных Советов и требовали должностей. Ангаретис считал, что это были те, кто искал «более дешевого хлеба в Литве», а не стремился помочь советскому делу. Таких «понаехавших» иногда просто арестовывали [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 8].

Политические репрессии проводили Особый отдел при военном комиссариате, Особый отдел Следственной комиссии (затем Особый отдел НКВД),

местные органы ЧК и революционные трибуналы, подчиненные Наркомюсту. Как говорил Ангартис, «революционный трибунал рассматривает только дела политические. Это – не суд, а борьба и наказание. Суд народный рассматривает криминальные и гражданские дела» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 15].

Документы центральных государственных и партийных органов Литбела, отложившиеся в архиве, в том числе постановления ЦИК ЛБССР и ЦК КП(б) ЛБ, стенограммы выступлений деятелей Литбела, дают богатый материал для характеристики особенностей политического курса и социальной и культурной обстановки в этом государственном образовании.

Лидеры республики не считали нужным проводить террор демонстративно. 14 апреля Президиум ЦИК постановил: «Поставить на вид Наркомюстиции, что расстрелы осужденных преступников, происходившие до настоящего времени днем и в местах, где живет население, должны производиться ночью, за городом, вдали от жилья» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 74]. При обсуждении вопроса о репрессиях в ЦК КПЛБ признавалось, что до сих пор «аресты носили случайный характер». И надо поставить дело более систематически, например: «У нас же имеются на месте факты: муж в белой армии. А жена живет спокойно в Вильне» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 112]. Планировалось применение заложничества. Но на практике с этим опоздали. 6 апреля Мицкявичюс с сожалением говорил: «Был составлен список заложников, но многих из них не нашли в Вильне. Потому заложников от Польского Общества всего несколько, ксендзов заложниками не решались брать до последнего дня. Литовские заложники намечены, и их можно взять, но решено выждать. Есть также список заложников из мира спекулянтов, около которых можно начать дело» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 115]. Дамоклов меч, нависший над ксендзами, литовской интеллигенцией и теневыми торговцами, так и не упал. С одной стороны, Мицкявичюс опасался радикального разрыва с местными интеллектуальными элитами, а с другой – дезорганизации снабжения в случае удара по спекулянтам. Аресты поляков сдерживала надежда на мирные переговоры с Польшей. В то же время для ужесточения коммунистической репрессивной политики могло просто не хватить времени. Весной 1919 г. репрессивная политика Советской власти в целом была сдержанной, что сказалось и на ситуации в Литбеле. Но к ужесточению репрессий в Вильно были готовы. В апреле была создана комиссия по заложникам ЦИК [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 116]. После падения Вильно ЦК решил ужесточить репрессивную политику и расстреливать заложников из польских и литовских помещиков в ответ на расстрелы сторонников Советской власти в Вильно. Во время военного положения ЧК получила право расстрела без суда [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 123, 138]. Но теперь у Литбела были руки коротки, так как люди, «намечавшиеся в заложники», остались в Вильно.

Репрессивное законодательство Литбела было практически унифицировано с РСФСР. Местная ЧК подчинялась Всероссийской ЧК. В условиях военного положения коллегия ЧК имела право расстреливать без приговора революционных трибуналов – если обвиняемый застигнут на месте и есть вещественные доказательства преступления [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 10–11].

В действительности коллегия ЧК Литбела была создана только в мае [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 47], и лишь 4 июня Бюро ЦК КПЛБ предложило ЧК выносить приговоры о расстреле коллегией и с утверждением комиссией в составе председателя ЧК Иосифа Тарашкевича и членов ЦК Уншлихта и Калмановича [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 6. Л. 22].

Дефицит кадров заставлял вовлекать в систему власти некоммунистических политиков и деятелей культуры. Еще ЦБ КП Белоруссии считало возможным привлечение социалистов к советской работе [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. Л. 7]. Под контролем коммунистов были созданы Еврейская коммунистическая партия и Еврейский коммунистический союз [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. Л. 12]. Эта инициатива вызвала критику со стороны Мицкявичюса и Ангартиса, которые напомнили, что коммунистические партии не принимают принципа национально-культурной автономии в партийном строительстве. Но после дискуссии эти организации решено было сохранить – слишком важной для Вильно была задача расширить влияние коммунистов среди евреев с их обособленной жизнью. Было решено лишь, что еврейские коммунистические организации должны были подчеркнуть в своих уставах подчиненное положение в отношении КПЛБ [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. Л. 96–97]. Но и литовские коммунисты привлекли к работе в качестве наркома культуры социал-демократа В. Биржишку, к тому же – брата арестованного коммунистами литовского политика В. Биржишки и министра просвещения в правительстве Слежявичюса М. Биржишки. Вацловас сохранил свой пост и в Литбеле до марта. Ниже мы увидим, что привлечение некоммунистических кадров к работе и проведению культурной политики приобрело в Литбеле большие масштабы.

На примере «буферных» республик можно рассмотреть подробнее жизнь в национально окрашенных западных советских образованиях. В начале 1919 г. в Советской России утвердилась политика «военного коммунизма». Период раздела помещичьих земель между крестьянами завершился. Было решено не переносить практику раздела на территорию новых Советских республик. Поместья становились государственными хозяйствами, поставляющими продовольствие в города. Это было бы проще, чем выколачивать хлеб по продразверстке. Земля была объявлена государственной собственностью. Такая политика вызывала разочарование крестьян, которые рассчитывали на раздел помещичьих земель, как в России в 1918 г. Мицкявичюс признавал, что из-за

национализации земли среднее крестьянство настроено против власти, и приходится опираться только на сельский пролетариат [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. Л. 24].

Стали создаваться земельные отделы, которые должны были приступить к учету имений и крупных крестьянских усадеб. Поместья объявлялись советскими хозяйствами, работники должны были провести опись имущества и передать его в Наркомзем и затем в волостные Советы после их переизбрания [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 79].

А вот наркомпрод Литбела действовал в соответствии с декретами Советской России мая 1918 г. [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 81], то есть была установлена продовольственная диктатура в отношении обладателей хлебных запасов. Деревенные товары предоставлялись «только на условиях социалистического товарообмена», то есть в обмен на поставки продовольствия по твердым ценам. Товары должны были распределяться «по системе классового снабжения» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 81об.], то есть раздаваться рабочим и бедноте. Но это можно было обеспечить только после создания «классовых» Советов на местах.

С помощью кооперативов были организованы заготовки продуктов и обработка огородов горожанами. Наркомпрод создавал в городах (прежде всего в Вильно) сеть столовых для неимущих [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 81об.].

Происходили конфликты волостных Советов, взявших под контроль поместья, и сельских рабочих комитетов. «Сельские рабочие начали поговаривать, что раньше они были батраками у помещиков, а теперь становятся батраками у “мужиков”». Советы иногда распродавали имущество поместий, против чего выступал НКВД [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 8]. Он потребовал за три недели сдать расхищенное имущество обновленным Советам [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 29. Л. 14].

7 апреля был принят декрет о провозе продуктов пассажирами (в разъяснение общего решения, принятого еще 22 января). Человек мог взять с собой не более 25 фунтов продовольствия, в том числе 10 фунтов хлеба, 2 фунта мяса, 2 фунта масла, 2 фунта сала и жиров, 2 фунта кондитерских изделий и сахара, 5 фунтов плодов, грибов, яиц и молочных продуктов. Внутри Литбела провоз продуктов практически не ограничивался [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 70]. Таким образом, Литбел стал не формальной, а вполне реальной для населения структурой.

11 апреля была создана комиссия СНК по торговле и товарообмену, без санкции которой «запрещается вывоз каких бы то ни было товаров из пределов Республики» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 73]. В организованном порядке продовольствие с севера Литвы поставлялось в Советскую Латвию [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 73об.].

Большое значение Совнарком Литбела придавал борьбе с эпидемиями, накрывшими Европу: предусматривалось оборудование изолированных помещений, дезинфекционных камер и создание «летучих»

санитарных отрядов. В Советах должны были создаваться медицинско-санитарные отделения. Планировалось взять на учет все имеющееся оборудование и обеспечивать задачу борьбы с тифом в приоритетном порядке [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 52]. Ставилась задача «очистки» ночлежек, постоянных дворов, гостиниц и станций от скопления населения. Под контролем медико-санитарных отделов беднейшее население должно было расселяться из трущоб в благоустроенные квартиры [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 52]. Таким образом, решение медицинской задачи увязывалось с важным направлением социальной политики Советской власти.

Формально Литбел должен был стать бастионом национальной культурно-языковой политики, противостоящей польскому, литовскому и другим национализмам. У КПЛБ было четыре центральных органа: «Звезда», «Млот», «Коммунистас» и «Дер Штерн». Планировалось издание четырех-пяти популярных газет, в том числе «Бедняк», «Глос», «Работнице», «Тисеса» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 77].

24 марта был принят декрет о реорганизации школьного дела, который гарантировал преподавание на одном из пяти языков (это право вытекало из декрета о правах национальностей от 21 марта) [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 21, 78]. В развитие декрета была принята инструкция Наркомпроса о местных языках в школах. Выбор языка преподавания предоставлялся родителям и школьникам старше 13 лет. Языками преподавания были литовский, белорусский, польский, идиш и русский. Если набиралось 25 желающих обучаться на определенном языке, то – в школе формировалась такая группа. Если набиралось менее 20 желающих, то – отдел народного образования Совета специально должен был заняться решением этой проблемы. С третьего года обучения должен был изучаться еще один язык. Отделы народного образования должны были давать ответы на языке обращенного к ним запроса [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 78].

Лидеры республики мечтали о развитии культурных программ. 12 марта был принят декрет о создании Народного университета с преподаванием на всех местных языках (на базе имевшегося Виленского университета). Университету выделили миллион рублей [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 4об.]. Планировалось учреждение Института социологии и экономики Литвы и Белоруссии и Социологической библиотеки [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 25. Л. 50]. Однако осуществление этих программ требовало большого количества высококультурных специалистов, поддерживающих Советскую власть. А с этим у коммунистов всегда были проблемы.

Мицкявичюс сумел сформировать относительно сильную команду для культурной работы, которой предстояло создавать национал-коммунистический синтез в Литбеле прежде всего на основе литовской культуры. Глава Совнаркома оправдывался, что из-за нехватки кадров «нам приходилось привлекать

к работе даже некоммунистов» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 2. Л. 25]. Многие сотрудничавшие с коммунистами в Вильнюсе крупные деятели культуры были далеки от коммунистических идей, но закладывали основы современной литовской культуры, формировали ее каноны и стандарты, которые в это время были еще относительно подвижны.

Литбел жил в прифронтовой обстановке, а ситуация на фронте ухудшалась под натиском польских войск. 25 февраля ЦК КПЛ обсуждал ситуацию: «Польша взяла Слоним, начинается паника, минчане не хотят ехать в Вильну и просят отложить заседание ЦИК» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 55].

15 марта на ЦК обсуждалась возможность мобилизации, но от нее отказались, потому что и добровольцев не удалось обеспечить как следует, а учет призывников уже вызвал волнения [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 86–87].

Москва и Вильно предпочли бы мирные переговоры между Польшей и Литбелом, что означало бы и отказ Польши от претензий на создание объединенного польско-литовского государства. НКВД в Москве пытался подтолкнуть к этому Польшу. Во время переговоров Чичерина с представителем польского МИД Венцковским, последний «нащупывал почву для мирных переговоров. Тогда ему было заявлено, что для переговоров о мире он должен обращаться в Вильно, ибо Россия фактически с Польшей не воюет» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 86–87], – сообщалось в ЦК КПЛБ в начале апреля. 5 апреля, обсуждая эту ситуацию, чекисты выражали недовольство тем, что Москвой «вопросы, касающиеся прежде всего нас, решаются совершенно без нашего участия» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 109]. Если НКВД хочет использовать независимый статус Литбела, он должен считаться с его руководством, хотя бы своевременно информировать о происходящих переговорах. Впрочем, это был тактический вопрос. Как говорил Иосиф Уншлихт, «интересы международного пролетариата выше национальных вопросов, и за мир с Антантой можно отдать Литву и Белоруссию» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 110].

19 апреля польские войска взяли Вильнюс, и он более чем на год снова превратился в Вильно. После падения Вильнюса центральные структуры Литбела эвакуировались в Минск. Совнарком затем разместился в Бобруйске, который считался более безопасным. ЦИК взял на себя дела Минского губсовета, а ЦК – Минского губернского комитета партии [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 129]. Ведь теперь территория Литбела свелась практически к Минской губернии.

Наряду с ужесточением репрессивной политики, в условиях военной катастрофы предпринимались меры для расширения политической базы режима. Наркомом социального обеспечения был назначен бундовец Н. Вайнштейн, представители просоветских партий допускались в коллегии наркоматов [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 158].

Отступление привело к оттоку коммунистических кадров, вступивших в партию прежде всего по карьеристским соображениям. В ответ ЦК предпринимал суровые меры: «Дезертировавших коммунистов Вольфсона и Коробка передать в ЧК и предложить расстрелять, как членов партии, заявивших о выходе из партии после мобилизации» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 181]. Таким образом, расстрел грозил даже за выход из компартии.

1 июня Литбел стал одним из учредителей военно-экономического союза советских республик. После этого в Москве пришли к выводу, что «буферная игра» себя практически исчерпала. 15 июля Сталин предложил ликвидировать Литбел [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 222]. Признавая, что аппарат Литбела уже ничем не управляет, и его дела можно передать минским Советским властям, ЦК КПЛБ в обращении 14 июля уговаривал центральное руководство не торопиться с формальной ликвидацией Литбела: «Что касается дальнейшего существования самой Республики Л. и Б., то, принимая во внимание, что ликвидация Республики Л. и Б. в данный момент вызовет дезорганизацию в широких кругах наших товарищей на Литве и Белоруссии, особенно по ту сторону фронта, что уничтожение Республики затрагивает работу КП в Литве и даст огромный козырь буржуазным партиям Польши и Литвы против Советской России, давая повод для обвинений в аннексионистских стремлениях Р.С.Ф.С.Р., что в виду возможности мирных переговоров с Польшей ликвидация Республики крайне невыгодна для Советской России и окончательных результатов этих переговоров, Ц. К. признает необходимым формальное существование в дальнейшем Республики Литвы и Белоруссии. Члены Совнаркома и ЦИК Литвы и Белоруссии должны выполнять всякую работу, которая в связи с переживаемым моментом на них возлагается, независимо от сохраненного за ними звания членов формально продолжающего свое существование Совнаркома Л. и Б. Одновременно ЦК поручает тов. Мицкявичу выступать, где это будет необходимо, от имени Совнаркома с соответствующими декларациями, постановлениями и т.п.» [8, Ф. 77. I. 2. Ф. 5. Л. 214–215]. Эти аргументы были приняты Москвой. О ликвидации Литбела не сообщалось, хотя СНК Литбела передал дела Советским властям Минской губернии. Формально Литбел существовал еще год.

Совнарком Литбела был вовлечен в ход переговоров с Литвой об обмене арестованными (заложниками), которые вел Винцас Мицкявичюс. Чичерин настаивал на общем обмене, предсовнаркома Мицкявичюс с ним в принципе соглашался, но ссылаясь на неуступчивость «Тарибской Литвы». 13 октября на бланке СНК Литбела было направлено письмо Чичерину по вопросу обмена заложниками с правительством Литовской республики, где СНК Литбела настаивал на жестких условиях: 1 советского менять на 2,5 «белых». Также категорически говорилось:

«Обещать им не брать больше заложников мы не можем» [8, F. 77. I. 2. F. 54. L. 11, 11 ар, 14–14об.]. 19 ноября соглашение об общем обмене наконец было достигнуто, но технически дело затягивалось. Инструкция для обмена заложниками с Литвой от 3 апреля уже не требовала компенсации, если «Тарибская Литва» предложит на обмен уголовников и чуждых коммунистам элементов из тюрем. Их следовало либо возвращать назад, либо арестовывать после обмена [8, F. 77. I. 3. F. 83. L. 13, 13]. Однако в дальнейшем Мицкявичюс пытался тормозить обмен, ссылаясь то на готовящуюся амнистию, то на репрессии в Литве [8, F. 77. I. 3. F. 83. L. 3, 7–8]. Окончательно обмен был завершён уже после заключения советско-литовского договора 12 июля 1920 г. [8, F. 77. I. 3. F. 83. L. 4–4]

Формально Литбел прекратил существование в связи с подписанием советско-литовского договора 12 июля 1920 г. и воссозданием советской Белоруссии 31 июля 1920 г.

Заключение. Как видим, благодаря материалам Специального архива Литвы можно многосторонне реконструировать развитие Литбела. В сравнении с другими источниками, которые использовала историография вопроса, материалы LYA позволяют вскрыть «подноготную» жизни в Литбеле, которая имела ряд особенностей в сравнении со стандартной системой «военного коммунизма»: свободный продуктообмен в рамках региона, огосударствление и отказ от раздела помещичьей земли между крестьянами и от продразверстки (при наличии проддиктатуры), отсутствие твердого контроля центральной власти на местах, сдержанность репрессивной поли-

тики, мультикультурализм с некоторым преимуществом развития литовской культуры. Отложившиеся в архиве материалы хотя и несут на себе отпечаток коммунистической идеологии и личных качеств деятелей Литбела, но легко объективизируются, так как тенденциозность документов несложно считать и вынести за скобки при построении объективной картины жизни в Литбеле.

Литература

1. Короткова, Д.А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии держав. 1918–1921 / Д.А. Короткова. – М.: Центрполиграф, 2019.
2. Павлова, М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах / М.С. Павлова. – М.: Аспект Пресс, 2016.
3. Короткова, Д. «Из всей этой пантомимы ничего путного не получится...» Литбел и его окрестности / Д. Короткова // Родина. – № 3. – 2012.
4. Мотузас, Р. Особенности правления большевиков в Вильнюсе в январе-апреле 1919 года и литовская интеллигенция / Р. Мотузас // Россия и Балтия. Новый мир на развалинах империи. – М.: ИВИ РАН, 2017. – Вып. 8.
5. Лауринавичюс, Ч. Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только / Ч. Лауринавичюс // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. – М.: Наука, 2015.
6. Шубин, А.В. Мировая революционная волна (1918–1923). Прилив / А.В. Шубин. – М.: Акад. проект, 2024. – С. 641–652.
7. Шубин, А.В. Путь исторического исследования / А.В. Шубин // Ритмы истории. – М.: Эгалите, 2024. – С. 11–33.
8. Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA).

Поступила в редакцию 12.05.2025